

МИМОХОДОМЪ.

Комисаровъ и губернаторъ Замятнинъ.

„Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“.

— А! слышали? Какое, можно сказать, счастье для высочайше ввѣренной мнѣ Енисейской губерніи!

Такимъ возгласомъ встрѣтилъ меня губернаторъ Замятнинъ, когда я вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ Ачинской почтовой станціи и обратился къ нему съ своимъ привѣтствіемъ. На возгласъ губернатора я отвѣтилъ, конечно, что ничего не слышалъ.

— Какъ же! батюшка-то дворянина Осипа Ивановича Комисарова-Костромского Иванъ Алексѣевичъ, вѣдь, онъ у меня въ губерніи и я ѣду объявить ему высочайшую милость.

— Какъ же этотъ Комисаровъ очутился въ Сибири, спросилъ я, всѣ они, кажется, костромскіе?

Вопросъ этотъ, видимо, былъ непріятенъ губернатору, и онъ какъ-то неопредѣленно проговорилъ о волѣ помѣщика, о возможности судебной ошибки и проч.—Въ это время изъ сосѣдней комнаты вошелъ станціонный смотритель и доложилъ, что чай для его превосходства готовъ.

Какъ только за губернаторомъ закрылась дверь въ комнату смотрителя, ко мнѣ подошелъ исправникъ Айгустовъ (товарищъ мой по Нѣжинской гимназій) и тихо сказалъ, что Комисаровъ по приговору Костромской уголовной палаты оставленъ въ сильномъ подозрѣніи въ умышленномъ поджогѣ конторы имѣнія своего помѣщика, съ цѣлью скрыть слѣды своихъ преступныхъ дѣйствій, какъ бурмистра, и сосланъ на поселеніе въ болѣе отдаленную мѣстность Восточ. Сибири. А здѣсь Комисаровъ давно извѣстенъ какъ конокрадъ, а въ послѣднихъ

нѣсколько лѣтъ—какъ атаманъ шайки конокрадовъ. При этомъ Айгустовъ прибавилъ, что онъ самъ производилъ объ немъ слѣдствіе и что дѣло находится въ разсмотрѣніи Томскаго губернскаго суда.

Не дождавшись губернатора, чтобъ съ нимъ проститься, я поблагодарилъ Айгустова за сообщеніе и уѣхалъ въ Красноярскъ.

На третій день по моемъ приѣздѣ пришелъ ко мнѣ квартальный надзиратель и заявилъ, что „губернаторъ приказалъ мнѣ (sic) подписать 25 руб. на обѣдъ, который назначенъ сегодня въ честь Ивана Алексѣевича Комисарова, привезеннаго вчера губернаторомъ въ Красноярскъ“. Я не сталъ долго разговаривать съ квартальнымъ и сказалъ ему, что приказаніе губернатора ко мнѣ не относится, потому что единственный начальникъ, который можетъ мнѣ приказывать, живетъ не здѣсь, а въ Петербургѣ, что на обѣдъ я не буду и ничего не подпишу.

Въ тотъ же день мнѣ нужно было сдѣлать нѣсколько дѣловыхъ по службѣ визитовъ, и когда я вышелъ на Большую улицу, направляясь къ дому управляющаго казенною палатою Куртукова, то увидѣлъ необычайное зрѣлище: кучки—человѣкъ по 7—8 полупьяныхъ оборванцевъ ходили взадъ и впередъ мимо гостиницы и неистово орали „ура! Комисаровъ, ура! спаситель, ура! конокрадовъ... и проч.“. Всего ихъ было до 120—130 человѣкъ.

Недалеко стоялъ знакомый извозчикъ, который на мой вопросъ, что это значитъ?—сказалъ, что полиція всю ночь собирала по разнымъ притонамъ голытьбу, оборвышей, подпоила ихъ по кабакамъ и приказала прославлять этого самаго Комисарова, только нѣкоторые сорванцы вмѣсто Комисаровъ кричать конокрадовъ.

— А развѣ онъ этимъ занимался?

— Да, вѣдь, это всѣмъ извѣстно; сколько людей раззорилъ.

Скоро стало извѣстно въ городѣ, что въ этотъ же день произошелъ такой случай: утромъ рано губернаторъ послалъ дежурнаго чиновника къ предсѣдателю губернскаго суда Ефимову съ требованіемъ, чтобъ онъ выдалъ этому чиновнику дѣло о конокрадѣ Комисаровѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ приказалъ лакею растопить каминъ въ кабинетѣ.

Осторожный Ѳедоръ Владиміровичъ Ефимовъ чиновнику дѣла не выдалъ, а принесъ его самъ. Губернаторъ принялъ его любезно, предложилъ ему хорошую сигару, а потомъ

сталъ разсматривать дѣло, и дѣлая видъ, что онъ очень заинтересованъ, переворачивалъ листы, нѣкоторые будто бы перечитывалъ снова, а потомъ вдругъ швырнулъ дѣло въ каминъ, сказавъ, все это вздоръ и покрывается высочайшею милостию. Ефимовъ совсѣмъ растерялся и только спросилъ, какъ же теперь быть съ дѣломъ? Губернаторъ отвѣтилъ: „запишите за мной“.

Въ домъ Куртукова я вошелъ вслѣдъ за губернаторомъ, который привезъ Комисарова представить генеральшѣ, и былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены:

— Вотъ, ваше прев-во, Анна Васильевна, сказалъ губернаторъ, представляю вамъ батюшку нашего спасителя, дворянина Осипа Ивановича Комисарова-Костромскаго, почтеннаго Ивана Алексѣевича.

— Рада познакомиться съ вами, почтенный Иванъ Алексѣевичъ, сухо и съ нѣкоторымъ высокомеріемъ отвѣтила Анна Васильевна.

Но этотъ пріемъ не смутилъ Комисарова.

— Много, много наслышанъ, матушка ваше-ство, о твоей добродѣтели, смѣло выпалилъ Комисаровъ и немедленно полъзъ цѣловаться съ генеральшей, которой, видимо, было это непріятно.

Послѣ такого неожиданнаго пассажа установилось на нѣсколько моментовъ неловкое молчаніе, изъ котораго вывелъ Замятнинъ, сказавъ Комисарову:

— Ну-ка, Иванъ Алексѣевичъ, расскажи, какой ты видѣлъ сонъ?

— Да, ваше пр-во Анна Васильевна, настоящій вѣшшій сонъ. У насъ по крестьянскому обычаю послѣ ранняго обѣда сейчасъ набоковую. Вотъ, я и говорю куфаркѣ Онисьѣ, когда стала убирать посуду: поставь подлѣ печки самоваръ, да гляди, чтобы угли прогорѣли, не угорѣть бы, а я маленько сосну. Скоро Онисья принесла самоваръ и вышла изъ горницы, а за нею захлопнулась съ сильнымъ скрипомъ дверь, которая всегда такъ скрипѣла. Ну, не прошло 3—4 минуты, я только сталъ забываться, какъ вижу — дверь тихо и безъ скрипа отворилась и вошелъ ровно бы....анголь божій съ огромными бѣлыми крыльями за спиною и говорить:—ты что дрыхнешь?—Такъ это мнѣ показалось забѣдно, что я съ сердцовъ ему въ отвѣтъ: а ты что мнѣ за указъ! хочу сплю, хочу нѣтъ. Онъ мало, мало помолчалъ, а потомъ и говорить:—ты не грубіянь, а вставай получать милость царскую.

— Тутъ я уже совсѣмъ очуствовался, соскочилъ съ кровати и самъ не знаю—и радостно-то мнѣ, и какъ-то жутко. Вдругъ слышу, колокольцы зазвенѣли, и подлѣ моей избы остановился тарантасъ. Ну, думаю, быть бѣдѣ—опять либо земскій засѣдатель, либо исправникъ. И вправду, вошелъ нашъ исправникъ, Николай Николаевичъ Айгустовъ и, увидя самоваръ, приказалъ поскорѣе его убрать, такъ какъ сейчасъ будетъ губернаторъ. Тутъ я уже совсѣмъ обомлѣлъ и не помню, какъ вынесъ самоваръ, какъ поправилъ постель; ноги подкашиваются, а сердце какъ бы совсѣмъ замерло и духъ захватило. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ. Подъѣхалъ къ избѣ губернаторскій тарантасъ, а я и тронуться не могу, чтобъ встрѣтить его пр-во,—такъ ослабѣлъ. Ну, только входитъ генераль, а я ни живъ, ни мертвъ. Здравствуй, говоритъ, почтенный старичокъ, обнялъ меня и поцѣловалъ. А знаешь, зачѣмъ я приѣхалъ къ тебѣ? И когда его пр-во рассказалъ, какъ сынъ мой спасъ царя и за то и мнѣ царь даровалъ милость свою, тутъ ужъ я и свѣта не взвидѣлъ, перекрестясь, палъ на колѣни и залился радостными слезами. Губернаторъ поднялъ меня и приказалъ поскорѣе собраться и ѣхать съ нимъ въ Красноярскъ, а потомъ въ Питеръ къ сыну. Всю же домашность исправникъ приведетъ въ извѣстность, продастъ и деньги вышлетъ мнѣ“.

Къ разсказу Комисарова Анна Васильевна отнеслась довольно-таки равнодушно; зато супругъ ея, Петръ Матвѣевичъ, былъ одно умиленіе и заискивающимъ тономъ спросилъ:

— А скажите, почтеннѣйшій Иванъ Алексѣевичъ, не былъ ли ангелъ божій, о которомъ вы изволили упомянуть, похожъ на кого-либо изъ вашихъ знакомыхъ?

Не задумываясь, Комисаровъ отвѣтилъ:

— Ровно бы на его п-во онъ былъ похожъ, такой же высокій и „могучей“, только одѣтъ былъ въ бѣлой мантии и былъ помоложе—безъ усовъ.

Губернаторъ самодовольно улыбался, а затѣмъ сказалъ:

— Ну, Иванъ Алексѣичъ, намъ пора; и затѣмъ, прощаясь съ Анной Васильевной, прибавилъ: къ вашему сосѣду Петру Ивановичу.

(П. И. Кузнецовъ—архимилліонеръ - золотопромышленникъ, извѣстный широкій благотворитель).

Не буду распространяться, какъ непріятно мнѣ было слушать рѣчь Комисарова и видѣть лакейство дѣйств. ст. сов. Куртукова, а еще болѣе—мѣднолобіе Замятнина, имѣвшаго

дерзость возить въ порядочные дома извѣстнаго всей губерніи вчерашняго атамана шайки конокрадовъ, рекомендуя его „почтеннѣйшимъ“ батюшкой нашего спасителя и проч., ограничусь только изображеніемъ внѣшняго вида Комисарова. Это былъ человѣкъ, лѣтъ за 50, небольшого роста, очень худощавый. Изжелта-сѣрое узкое лицо почти безъ переносицы очень напоминало въ профиль голову хищной щуки. Одѣтъ онъ былъ въ поношенную чуйку московскаго фасона. Говорилъ довольно свободно и самоувѣренно. Производилъ впечатлѣніе „тертаго калача“, хорошо знакомаго съ этапами полуэтапами и прочими квартирами въ казенныхъ домахъ, снабженныхъ желѣзными рѣшетками въ окнахъ.

Наскоро переговоривъ съ Куртуковымъ о служебномъ дѣлѣ и собираясь уходить, я на вопросъ Анны Васильевны, буду ли на обѣдѣ?—отвѣтилъ: блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ и т. д.

По другому служебному дѣлу я направился къ начальнику жандармскаго управленія, полковнику Николаю Игнатьевичу Борку, на рекомендацію котораго сослался одинъ молодой человѣкъ, желавшій поступить на службу въ контрольную палату. Боркъ былъ, несомнѣнно, умный человѣкъ и, казалось, крайне добродушный, располагавшій къ откровенности. Увы! я не зналъ еще тогда, что такое жандармское добродушіе... Сообщивъ мнѣ не особенно лестныя свѣдѣнія о „маменькинѣ сынкѣ“, какъ онъ его назвалъ, Боркъ сказалъ, что навѣрное мы еще встрѣтимся сегодня въ клубѣ на обѣдѣ въ честь Комисарова, а потомъ сразимся въ бостонъ? Я отвѣтилъ, что на обѣдѣ не буду, съ одной стороны, потому, что моя жена послѣ дальней дороги (изъ Омска до Красноярска 1.300 верстъ) чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо и мое присутствіе дома необходимо, а съ другой—задуманному губернаторомъ чествованію Ивана Комисарова, вчерашняго конокрада, хотя и всемилостивѣйше помилованнаго, я рѣшительно не сочувствую. Быструю сообразительность его сына, Осипа, нынѣ дворянина Комисарова-Костромскаго, своимъ толчкомъ руки Каракозова отвратившаго, быть можетъ, міровую катастрофу, я признаю великимъ счастіемъ Россіи и душевно радуюсь, что неоцѣнимая заслуга Осипа Ивановича вызвала такой грандіозный подъемъ патріотическаго чувства всѣхъ слоевъ общества имперіи. Но при чемъ же тутъ его отецъ, Иванъ Алексѣевичъ? Вѣдь, изъ Енисейской и другихъ губерній Восточной Сибири ежегодно возвращаются на родину десятки

ссылныхъ, всемилостивѣйше помилованныхъ послѣ долговременнаго пребыванія въ ссылкѣ и при непремѣнномъ условіи одобрительнаго поведенія, и однако же никто не дѣлаетъ имъ овацій и торжественныхъ обѣдовъ съ хвалебными рѣчами; много-много что какой-либо милосердный гражданинъ подастъ помилованному „прохожему“ нѣсколько копѣекъ или сердобольная кухарка вынесетъ кусокъ хлѣба и остатокъ какого-либо кушанья.

На мою откровенную рѣчь Боркъ задумчиво отвѣтилъ:

— Гм... да, конечно.

Возвратясь домой, я засталъ ожидавшихъ меня двухъ сослуживцевъ, старш. ревизора Гирса и помощ. ревиз. Каменева. Они объяснили, что къ нимъ являлся квартальный надзиратель и отъ имени губернатора „просилъ“ подписаться на обѣдъ въ честь Комисарова, въ размѣрѣ первому 15 р. и второму 10 р., но что они не подписались, а обѣщали дать отвѣтъ чрезъ часъ или полтора.

Я сказалъ сослуживцамъ, что самъ я на обѣдѣ не буду, но ихъ не стѣсняю, пусть какъ хотятъ, такъ и поступаютъ; при чемъ я замѣтилъ, что при такой высокой платѣ (15 и 10 р., а для чиновъ V кл. даже 25 р.) обѣдъ будетъ, вѣроятно, роскошный, съ многочисленными рѣчами и тостами.

На другой день Гирсъ мнѣ разсказалъ, что обѣдъ былъ неважный, такъ сказать, по шаблонному меню, но зато было двѣ рѣчи и одинъ инцидентъ. Послѣ обычнаго тоста за здоровье государя, губернаторъ произнесъ, по своему обыкновению, „двуствольную“ рѣчь¹⁾:

— Какое, можно сказать, счастье для высочайше ввѣренной мнѣ Енисейской губерніи, что пребываніе батюшки нашего спасителя, дворянина Осипа Ивановича Комисарова-Костромского, почтеннѣйшаго здѣсь присутствующаго Ивана Алексѣевича, оказалось и находится въ моей губерніи. Это дало и предоставило населенію возможность выказать и обнаружить свой восторженный, беззавѣтный патріотизмъ. Вы сами видѣли эти громадныя толпы, которыя съ утра и до настоящаго времени двигаются по Большой улицѣ и прославляютъ подвигъ Осипа Ивановича и желаютъ батюшкѣ его здоровья и благо-

¹⁾ Въ своихъ циркулярахъ губернаторъ не признавалъ другихъ знаковъ препинанія, какъ только тире (—) и очень часто употреблялъ два однозначныхъ слова, напр.: предписываю и приказываю, непремѣнно и неукоснительно, дать и предоставить и пр. Чиновники въ шутку и прозвали такіе циркуляры „двуствольными“.

получія, выражая пылкія и горячія чувства громовыми раскатами ура!

Пожелаемъ же и мы ему того же... ура!

Комисаровъ, въ свою очередь, пожелалъ сказать рѣчь, но вмѣсто рѣчи вышла какая-то несуразная путаница, въ которой нѣсколько разъ упоминалось о „благодѣтелѣ“ губернаторѣ, о тяжелой жизни въ Сибири, о „насѣрдкѣ“ недобрыхъ людей; ну, теперь будетъ по-иному и кто пожелаетъ его помощи тамъ, въ Питерѣ, онъ уже постарается. Кончилъ же онъ такъ, что вызвалъ скандалъ. Обратившись къ Ѳедору Владиміровичу Ефимову, сидѣвшему рядомъ съ нимъ, Комисаровъ сказалъ. Ну, а ты, Ѳедоръ Владиміровичъ, будь покоенъ—за твою добродѣтель я расхваляю тебя министру уже вотъ какъ, при этомъ онъ потрепалъ Ефимова по плечу. Какъ ужаленный, быстро поднялся Ефимовъ, отвелъ руку Комисарова и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Знаешь пословицу:—„мели Емеля, твоя недѣля“, а рукамъ воли не давай! Это не годится. Это—разъ; а два—вотъ что: министръ судить о своихъ подчиненныхъ не по похваламъ или наговорамъ постороннихъ лицъ, а по служебнымъ дѣламъ. Такъ ты и знай.

Комисаровъ совсѣмъ опѣшилъ, куда дѣвался его самоуверенный, покровительственный тонъ, и онъ беспомощно опустился на свой стулъ.

Губернаторъ догадался прекратить неприятный инцидентъ, провозгласивъ тостъ за здоровье присутствующихъ, и затѣмъ немедленно уѣхалъ съ Комисаровымъ изъ клуба.

На слѣдующій день Комисаровъ отправленъ былъ въ Петербургъ, а губернаторъ разослалъ до 20 телеграммъ на казенный счетъ, распространившись въ нихъ о неудержимо проявленномъ въ населеніи губерніи восторженномъ, горячемъ и беззавѣтномъ патріотизмѣ.

Дальнѣйшая судьба Комисарова - отца мнѣ неизвѣстна съ точностью; въ полученныхъ же нѣкоторыми знакомыми письмахъ сообщалось, что ни министръ Дмитрій Николаевичъ Замятинъ (родной братъ губернатора Павла Николаевича), ни другія высокопоставленные лица Комисарова не приняли, такъ какъ поведеніе его на родинѣ и въ Сибири было уже извѣстно въ Петербургѣ.

Собственно, на этомъ слѣдовало бы и кончить рассказъ о „батюшкѣ“ - Комисаровѣ; но такъ какъ инцидентъ съ торжественнымъ обѣдомъ имѣлъ лично для меня нѣкоторыя по-

слѣдствія, то нахожу неизлишнимъ разсказать слѣдующее обстоятельство.

Чрезъ полгода я получилъ отъ директора канцеляріи государственнаго контроля конфиденціальное письмо такого содержания:

Шефъ жандармовъ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ сообщилъ государственному контролеру, что въ половинѣ мая 1866 г. на торжественномъ обѣдѣ въ честь отца дворянина О. И. Комисарова-Костромскаго, и на которомъ находилось все высшее общество гор. Красноярска, одни только чины контрольной палаты умышленно отсутствовали, что вызвало рѣзкое неудовольствіе и порицаніе со стороны общества.

Его высоко-п-во Валеріанъ Алексѣевичъ (Татариновъ) предлагаетъ вамъ представить по этому поводу объясненіе.

Я отвѣтилъ, что сообщеніе шефа жандармовъ фактически неправильно, такъ какъ изъ наличныхъ въ то время трехъ чиновъ ввѣренной мнѣ контрольной палаты отсутствовалъ только я одинъ, остальные же—Гирсъ и Каменевъ—присутствовали на обѣдѣ и оставались въ клубѣ до глубокой ночи, при чемъ были свидѣтелями громкихъ разговоровъ объ инцидентѣ Комисаровъ—Ефимовъ, видѣли, какъ многіе подходили къ Федору Владиміровичу и пожимали его руку. О чинахъ же контрольной палаты никто ничего не говорилъ и какихъ-либо порицательныхъ выраженій относительно этихъ чиновъ не было.

Что же касается причинъ моего отсутствія на обѣдѣ, то въ особомъ письмѣ Михаилу Федоровичу Бурмейстеру (директору канц. госуд. контр.) я повторилъ буквально все то, что въ частной бесѣдѣ я сказалъ Н. И. Борку, какъ изложено выше.

Послѣдовала резолюція: „переписку прекратить“.

Сообщилъ **В. Мерцаловъ.**